

ИНТОНАЦИЯ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА: ДАННЫЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Андиева М.А.

ФГБОУ ВПО «Северо – Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», Владикавказ, РСО – Алания, Россия (362025, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина 44-46), e-mail: proba2-2003@yandex.ru

В статье представлены данные инструментального анализа осетинской интонации. Анализ работ по фонетике осетинского языка с целью выявления природы, функций и компонентов интонации показал, что описаны лишь отдельные фрагменты интонации, такие как фразовое, синтагматическое, словесное ударение, состав синтагмы, и полностью отсутствует инструментальный анализ. Впервые осуществляется попытка определить универсальные и специфические черты интонационного оформления осетинского предложения и выявить перцептивную релевантность мелодического контура простых повествовательных и вопросительных предложений осетинского языка. Проведенное исследование показало, что большинство несовпадений между дикторской реализацией и перцептивным восприятием носителями языка выявлено в начальных стимулах простых вопросительных предложений. Мелодика этих частей предложений определяется большинством носителей осетинского языка как вопросительная. Это может быть свидетельством того, что интенция вопроса оформляется не только в конечной части общего вопроса, но и в начальной.

Ключевые слова: осетинский язык, фонетика, перцептивная релевантность, интонация, синтагматическое членение, фразовое ударение, словесное ударение, частота основного тона.

THE OSSETIAN LANGUAGE INTONATION: DATA OF THE INSTRUMENTAL STUDY

Andieva M.A.

North – Ossetian State University n.a. K.L.Khetagurov, Vladikavkaz, RNO – Alania, Russia (362025, North Ossetia – Alania, str. Vatutina, 44-46), e-mail: proba2-2003@yandex.ru

The article deals with the data of the Ossetian intonation instrumental study. The analysis of the works on the Ossetian phonetics aimed on determining nature, functions and components of intonation showed that only separate intonation fragments such as phrasal, syntagmatic accent, word stress, syntagma structure are described but there is no instrumental study. For the first time an attempt is made to define universal and specific features of Ossetian sentence intonation contour and to identify the perceptual relevance of the melodic contour of simple declarative and interrogative sentences of the Ossetian language. The study showed that most of the discrepancies between the announcer and native speakers' perception are found in the initial segments of simple interrogative sentences. The melodic of these parts is determined by the majority of native speakers as interrogative. This may denote that the question intention is not only in the final part of the general question, but in the initial as well.

Keywords: the Ossetian language, phonetics, perceptive relevance, intonation, syntagmatic division, phrase stress, word stress, pitch.

Присутствие интонации в речи обязательно, и роль ее тем более оказывается существенной, если лексические и грамматические средства в рамках предложения оказываются недостаточно выразительными. Интонация присуща всем языкам, являясь универсальным феноменом. Функции интонации многообразны. Они одновременно характеризуют тип предложения по цели высказывания, связь между отдельными составляющими предложения, его модальность и эмоциональную окраску. Нельзя исключить также индивидуальные особенности речи говорящего, его состояние. Эти самые индивидуальные особенности часто приводят к выводу о субъективности интонации и

отсутствии общих норм. Но с этими выводами трудно согласиться, поскольку именно по интонации говорящего носители данного языка одинаково понимают смысл высказывания и выделяют из потока речи ошибки в интонации. Это свидетельствует о том, что есть некие общие нормы, которым подчиняются все носители данного языка. Индивидуальными могут быть интонационные характеристики некоторых оттенков смысла при членении предложения и мелодический диапазон (более или менее широкий). Общее направление мелодики, соотношение ударенных и неударенных элементов по силе остается неизменным и является тем пределом объективности интонации, за которые не может выйти говорящий, не изменив смысла высказывания.

Проанализировав большое количество определений интонации, мы пришли к выводу, что наиболее точным можно признать определение интонации как совокупности фонетических средств, оформляющих предложение как единое целое и служащих для выражения его смысла, а также участвующих в образовании в языке ограниченного числа интонационных типов, обязательных для всех носителей данного языка и противопоставленных друг другу по их функции [10].

Толчком к исследованию интонации послужил анализ работ, посвященных проблемам осетинской фонологии, который выявил отсутствие системного описания осетинской интонации. Вместе с тем надо отметить, что исследования по интонации осетинского языка могут предоставить ученым новые интересные данные для типологического описания осетинского языка.

Цель исследования

Целью исследования было установление релевантности изменения частоты основного тона в повествовательных и вопросительных предложениях осетинского языка при перцептивном восприятии аудиторами-носителями языка.

Как известно, в разных языках одни и те же интонационные средства могут участвовать в оформлении различных функций интонации. Это может касаться отличия высоты тона в наиболее важных в рамках предложения ударных и предшествующих им безударных словах; деления фраз на синтагмы; паузы между синтагмами; мелодики завершенности для выражения нейтральных повествовательных предложений.

Понятно, что, исходя из лексического наполнения предложения, грамматической структуры и интонационного оформления существует огромное количество возможностей построения предложений. Но, тем не менее, можно установить очень небольшое количество устоявшихся в данном языке интонационных типов, которые позволяют говорящим на этом языке понимать друг друга. Наличие таких интонационных типов (интонационных

конструкций) позволяет составить интонационную систему данного языка без учета индивидуальных и эмоциональных особенностей говорящего.

Исследования интонации осетинского языка актуальны по нескольким причинам. Прежде всего, они могут дополнить данные фонетической типологии. Это связано с уникальностью осетинского языка, индоевропейского по своему происхождению, но существующего долгое время в окружении кавказских языков. Фонетические системы этих языков описаны плохо, поэтому сопоставление с ними невозможно. Сопоставление же осетинского языка с другими хорошо описанными с фонетической точки зрения индоевропейскими языками может выявить исконно индоевропейские черты осетинской интонации и заимствованные, возможно, из кавказских языков. На основе выявленных существенных совпадений можно определить и своеобразие, специфику осетинского языка. С другой стороны, важность описания осетинской просодии связана с необходимостью кодификации орфоэпического уровня осетинского языка, составления учебников по фонетике осетинского языка, что позволит повысить эффективность преподавания осетинского языка в условиях растущего билингвизма.

Материал и методы исследования

В качестве материала для исследования были взяты повествовательные и вопросительные предложения без вопросительного слова с одинаковым лексическим наполнением и синтаксическим оформлением. Повествовательные предложения были взяты из произведений художественной литературы. Поскольку в осетинском языке нет строгих правил относительно порядка слов в предложении, то повествовательное предложение легко трансформируется в вопросительное. Для этого достаточно в конце предложения поставить вопросительный знак. Таким образом, из каждого повествовательного предложения было получено вопросительное. Например: повествовательное предложение *Зæронд мæнырдæм æрбакаст.* (Старик посмотрел в мою сторону) трансформируется в вопросительное *Зæронд мæнырдæм æрбакаст?* (Старик посмотрел в мою сторону?).

Все предложения были начитаны двумя профессиональными дикторами Северо-Осетинского радио В. Дудиевым и Ж. Жукаевой. Каждое предложение было разделено на части, соответствующие отдельным синтагмам в произнесении дикторов. В большинстве случаев предложения были произнесены как двухсинтагменные, одно предложение было произнесено как трехсинтагменное.

Весь оцифрованный материал был подвергнут слуховому анализу. Аудиторы, в роли которых выступило 62 студента-осетина факультета осетинской филологии и математического факультета, были проинформированы, что они услышат начальные и неначальные (срединные и конечные) части повествовательных и вопросительных

предложений. Они должны были в розданных им анкетах отметить, какая это часть предложения и с какой интонацией она произнесена (вопросительная, повествовательная, продолжающаяся).

Всего для прослушивания было предъявлено 38 стимулов, 9 из которых представляли собой начальные части повествовательных предложений, 9 – конечные части повествовательных предложений, 9 – начальные части вопросительных предложений, 9 – конечные части вопросительных предложений, по одному стимулу – срединные части повествовательного и вопросительного предложений. Полученные ответы оценивались с точки зрения случайности/неслучайности по t-критерию Стьюдента. Было получено 2356 ответов.

Одновременно все стимулы были подвергнуты инструментальному анализу с применением программы анализа речи PRAAT для выявления того, как происходит изменение частоты основного тона в предложениях.

Результаты исследования

Надо отметить, что в 82% стимулы были достоверно опознано правильно. В 16% стимулы были опознаны достоверно неправильно, стимулов были опознаны неправильно; один стимул хотя и был опознан правильно, но ответы носили случайный характер. В 2% ответы носили случайный характер.

В данной статье рассматриваются стимулы, опознанные достоверно неправильно.

Начальная часть *зæронд* (старик) вопросительного предложения опознана носителями языка как конечная, произнесенная с вопросительной мелодикой. Сравнивая данный стимул с аналогичным стимулом повествовательного предложения, надо отметить, что последний был правильно опознан как начальный. С целью выяснения того, какие объективные данные стоят за таким разным восприятием, нами были сопоставлены изменения ЧОТ в обоих словах. Слово *зæронд* (старик) из повествовательного предложения произнесено с повышающейся мелодикой, подъем частоты основного тона с первого слога на второй составляет 100 Гц. Слово *зæронд* (старик) из вопросительного предложения, опознанного в большинстве случаев как завершающаяся часть вопросительного предложения, также произнесено с повышающейся мелодикой, подъем тона составляет 67 Гц.

Вторая часть *мæнырдæм æрбакæст* (в мою сторону посмотрел) вопросительного предложения опознана как конечная. Мелодика данного стимула опознана носителями языка как повествовательная. Падение тона составляет 123,4 Гц. Этот же стимул *мæнырдæм æрбакæст* (в мою сторону посмотрел) повествовательного предложения опознан как завершающаяся часть повествовательного предложения, падение тона составляет 118,8 Гц.

Таким образом, конечные синтагмы и повествовательного, и вопросительного предложения опознаны как повествовательные.

Следующий из неправильно опознанных стимулов начальная синтагма вопросительного предложения *Адаэм /фахъус сты?* (Люди замолчали?). Слово *адаэм* (люди) опознано в большинстве случаев как завершающаяся часть вопросительного предложения, произнесено с повышающейся мелодикой, подъем тона составляет 164,1 Гц. В сравниваемом повествовательном предложении стимул *адаэм* (люди) опознан правильно как неконечная часть предложения, с продолжающейся мелодикой, изменение ЧОТ составляет 106,9 Гц. В этом случае распределение фразового ударения произошло так же, как и со стимулом *заэронд* (старик) в предложении *Заэронд /манырдаэм аэбакаст?* (Старик в мою сторону посмотрел)

В предложении *Изаэры /хатыр курын /хъауы на сыхагай* (Вечером надо просить прощения у нашего соседа) носители языка неправильно опознали предъявленные стимулы и в повествовательном и вопросительном вариантах. Стимул *изаэры* (вечером) в повествовательном предложении опознан как конечная часть. Мелодика опознана как повышающаяся, изменение ЧОТ составляет 98,9 Гц. Аналогичный стимул вопросительного предложения достоверно опознан как неконечная часть предложения с продолжающейся мелодикой. В слове *изаэры* (вечером) из вопросительного предложения, опознанного в большинстве случаев как начальная часть предложения, изменение ЧОТ составляет 76,2 Гц.

В этом же предложении в его вопросительном варианте конечная синтагма *хъауы на сыхагай* (надо у нашего соседа) достоверно ошибочно опознана носителями осетинского языка как неконечная часть предложения, мелодика продолжающаяся. Идет плавное повышение тона до второго слога слова *сыхагай* (соседа), куда падает фразовое ударение, изменение ЧОТ 69,8 Гц, после этого идет понижение тона, изменение ЧОТ 29,6 Гц. Этот же стимул в повествовательном предложении был правильно опознан как конечная часть повествовательного предложения. В этой части предложения мелодика тона, наоборот, восходяще-нисходящая, изменение ЧОТ с начала синтагмы до пика составляет 78,3 Гц, изменение ЧОТ на понижении составляет 133,5 Гц. Причину такого ошибочного опознания можно объяснить разной расстановкой диктором пауз внутри синтагмы.

Стимул *хатыр курын* (просить прощения) в повествовательном предложении был опознан как неконечная часть предложения с продолжающейся мелодикой, но ответы носили случайный характер. Мелодика синтагмы восходяще-нисходящая, изменение частоты основного тона на повышении 73 Гц на понижении 13 Гц. В вопросительном предложении стимул *хатыр курын* (просить прощения) опознан как неконечная синтагма с продолжающейся мелодикой. Изменение ЧОТ на повышении тона составляет 98,8 Гц на понижении 0,6 Гц.

В вопросительном варианте предложения *Иууылдаер акастысты /уыцырдаем?* (Все посмотрели в ту сторону?) стимул *иууылдаер акастысты* (все посмотрели) неправильно опознан как конечная часть предложения. Мелодика определена большей частью носителей языка как конечная, произнесенная с вопросительной интонацией. В повествовательном же варианте предложения эта часть опознана достоверно как начальная часть предложения с продолжающейся мелодикой. В вопросительном предложении в начальной части синтагмы происходит резкое повышение тона, изменение ЧОТ составляет 134 Гц, затем идет резкое понижение тона, изменение ЧОТ 190,2 Гц. В повествовательном предложении мелодика предложения плавная восходяще-нисходяще-восходяще-нисходящая, изменение ЧОТ на первом повышении 120,8 Гц, на понижении 177,1 Гц на втором повышении 56,9 Гц, на понижении 51,3 Гц. Фразовое ударение падает на слово *иууылдаер*, (все) что сопровождается резким подъемом тона и соответственно впечатлением вопросительной интонации у слушателей.

Выводы

Большинство несовпадений между дикторской реализацией и перцептивным восприятием носителями языка выявлено в начальных стимулах простых вопросительных предложений. Мелодика этих частей предложений определяется большинством носителей осетинского языка как вопросительная. С одной стороны, это может быть свидетельством того, что интенция вопроса оформляется не только в конечной части общего вопроса, но и в начальной. С другой стороны, частоты основного тона и ее изменения – это не единственный интонационный компонент, участвующий в оформлении коммуникативного типа предложений. Дальнейший анализ материала позволит установить, какие именно компоненты интонации более релевантны для носителей языка. Предварительно можно говорить о фразовом ударении и паузах между синтагмами. Говорить об окончательных выводах относительно перцептивной релевантности повышения/понижения тона в мелодическом контуре осетинских предложений еще рано. Очевидно, что более четкая картина выявится при более широком анализе при увеличении экспериментального материала.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта №12-04-00274 "Типологические характеристики осетинской интонации"

Список литературы

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Том I. М., Л., 1949.
2. Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
3. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч I. Орджоникидзе, 1965.

4. Багаев. Н.К. Современный осетинский язык. Ч II. (Синтаксис). Орджоникидзе, 1982.
5. Дзахова В.Т. Об осетинском ударении. // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание»/Московский лингвистический журнал. 2010. №9 (52)/10.
6. Дзахова В.Т. Опыт инструментального исследования осетинской интонации. // Вестник СОГУ. №3 – Владикавказ, Изд-во СОГУ, 2012. – С. 135-140.
7. Исаев М.И. Очерк фонетики осетинского литературного языка. Орджоникидзе, 1959.
8. Кодзасов С.В. Уровни, единицы и процессы в интонации // Проблемы фонетики.- М., 1999. Вып.3.
9. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика: Учебник. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001.
10. Кравченко М.Г. и др. Ударение и интонация в немецком языке. Пособие для студентов пед. ин-тов. Л., 1973. – С.35.

Рецензенты:

Дзахова В.Т., д.фил.н., доцент кафедры немецкого языка Северо – Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ;

Дреева Д.М., д.фил.н., доцент кафедры немецкого языка Северо – Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ.